

ФОРМА *être + p. p.* (*participe passé*) КАК ФОРМА СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА НИЙОЛЕ ЛУКШИТЕ

Конструкция *être + p. p.* привлекает внимание лингвистов в связи с проблемой пассива во французском языке. Определяя ее как форму, выражающую пассив, исследователи тут же отмечают ее многозначность. Наряду с пассивом, она выражает глагольное время в активной форме с причастием от непереходных глаголов (*elle est venue*) и сложное сказуемое с причастиями от возвратных глаголов (*elle est évanouie*) [Гак, 1979, с. 221]. Такая констатация факта не дает возможности выделить форму *être + p. p.* как структурную единицу языка, т. е. увидеть ее содержание как фиксирование взаимоотношения определенных языковых понятий, не отождествляющихся с семантикой конструкции. Выявление такого содержания означало бы раскрытие природы формы *être + p. p.*, которая, будучи наделенной единым содержанием как форма *langue*, выполняла бы разные функции как конструкция *parole* (*discours*). Таким образом, решение проблемы природы формы *être + p. p.* неотделимо от осмысления теоретического положения о противопоставлении *langue* и *parole*. Первым лингвистом, начавшим рассматривать формы французского языка как образования и *langue*, и *parole*, был Гийом. Он интуитивно оценил аналитизм французского языка как явление, позволяющее проникнуть в более глубокие слои языка. Рассматривая содержание формы *être + p. p.*, Гийом [Guillaume, 1943], а затем и Стефанини [Stefanini, 1962] пытались выявить, почему форма *être + p. p.* соотносится и с переходными глаголами [пассив], и с непереходными. Опираясь на форму *être + p. p.* глаголов движения (*je suis sorti*), упомянутые лингвисты констатируют видовое значение сочетания, в котором глагол *être* фиксирует существование деятеля как состояние после совершения действия, предел которого кроется в семантической его природе. Другими словами, предел (*limite de tension*) представляет собой то, что обычно называется предельностью лексического значения. В связи с этим упомянутое содержание формы *être + p. p.* можно приписать не только сочетанию типа *je suis sorti*, но и форме *être + p. p.* местоименных глаголов типа *elle est évanouie*. Однако термин *limite de tension* используется и при характеристике формы *être + p. p.*, соответствующей переходным глаголам: форма *être + p. p.* выражает переход предела,

который обозначается прямым дополнением как объектом тяготения действия, в котором действие достигает своего конечного пункта. Переход предела может представляться формой *être + p.p.* как совершенный мгновенно (*la maison est bâtie*), как и в случае *je suis sorti*, или как совершающийся непрерывно (*la maison est bâtie = est en construction*). Вместе с тем, глагол *être* как вспомогательный определяется иначе, чем связка сочетания *il est bon*: „auxiliaire de diathèse ou d'aspect, il dénote le franchissement d'une limite de tension, située dans le sujet“ [Stefanini, 1962, p. 481]. Следует отметить, что в приведенном объяснении формы *être + p.p.* ценным является то, что природа формы связывается с реальными понятиями языка — переходностью и предельностью лексического значения, которые по отношению к ней играют одинаковую роль как предел тяготения (*limite de tension*). В этом выражается тенденция выделить данное понятие как более абстрактное, чем грамматические понятия, которые оно обобщает. Следовательно, можно предполагать, что выделение уровня *langue* связано с необходимостью признать существование языковых понятий, не отождествляющихся с понятиями семантическими (в том числе и грамматическими значениями). С другой стороны, выделение двух типов вспомогательной роли *être* говорит о том, что установление содержания формы *être + p.p.* происходит вне рассмотрения проблемы омонимии причастия и прилагательного, что не позволяет поставить вопрос об омонимии конструкций *il est bon* и *il est construit, aimé, évanoui*, решение которого позволяло бы объединить такие типы атрибутивных конструкций в одну языковую форму. Грамматические факты, касающиеся *participe passé* и прилагательного, показывают, что эти части речи могут обобщаться в языковую форму, содержание которой представляет собой именной признак. Dubois [1968, p. 14] отмечает параллельность функционирования причастия и прилагательного в глагольных и именных синтагмах. Le Petit Robert [1978] отмечает как прилагательные не только такие причастия как *étonné, effrayé, fatigué, enrhumé*, но и такие как *habillé, fermé, vaincu, criblé, assis*, что говорит о том, что в данном словаре автор проясляет тенденцию считать причастие выражением именного признака (см. также нашу статью „К вопросу об омонимии причастия и прилагательного во французском языке“ — *Kalbotyга XXXIII (3), 1972, p. 223*). Однако именной признак нельзя отождествить с прилагательным как с грамматическим понятием, которое не только параллельно причестию, но и отличается от него (не образует глагольных форм). Поэтому „именной признак“ следует понимать как более абстрактное языковое понятие, понятие *langue*, актуализирующееся грамматическими понятиями прилагательного и причастия. Вместе с тем, ставится вопрос, каким образом причастие — форма отглагольная — может оказаться актуализатором именного признака. Для этого следует вернуться к понятию „предел тяготения“, которое по отношению к переходным глаголам

конкретизируется прямым дополнением. Следует уточнить, что предел тяготения характеризует не переходность вообще, а такой ее вариант, который базируется на прямом порядке слов. Таким образом, прямой порядок слов — понятие не только синтаксическое, это — форма языка, определяющая взаимоотношение и содержание системных его элементов. Следовательно, переходность означает симметричность имен по отношению к глаголу, что и определяет появление формы *être + p. p.* Более того, содержание причастия этим определяется не меньше, чем необходимость появления самой формы *être + p. p.* — прямой порядок слов определяет форму *être + p. p.* и причастие как взаимоотношающиеся языковые формы. То, что Стефанини называет переходом предела тяготения при образовании формы *être + p. p.*, вытекает из симметричности имени-подлежащего и имени-дополнения, позволяющей им меняться местами. Однако перенос дополнения на место подлежащего обременен последствиями того, что оно выступает в роли предела тяготения: становится „меченым“ постольку, поскольку его пребывание в сфере действия (и подверженность действию) не проходит бесследно, и приобретает отпечаток, который получает статус именного признака. Этот именной признак — причастие — воплощается в глагольном материале, вбирая в себя глагольную семантику (понятие действия), что позволяет использовать причастие для образования глагольных морфологических форм. Форма *être + p. p.* возникает как форма, параллельная атрибутивному суждению, утверждающая присутствие именного признака при имени, перенесенного с места дополнения на место подлежащего.

Аналогично можно осмыслить роль предельности лексического значения непереходных глаголов в качестве предела тяготения, определяющего появление формы *être + p. p.* как формы предикации признака к его носителю. Непереходность означает пребывание действия в сфере субъекта, которое приводит к возникновению результата в том случае, когда действие является предельным. Этот результат возникает как отпечаток действия на имени-субъекте, который его получает, когда действие является исчерпывающим самое себя благодаря пределу, характерному для него по природе. Тогда субъект становится „меченым“: пребывание действия в сфере субъекта означает возникновение именного признака, существование которого при имени-субъекте утверждается формой *être + p. p.*, характеризующей это имя как носитель признака.

Непредельные непереходные глаголы выпадают из системы, объединяющей переходные и предельные непереходные глаголы понятием предела тяготения. Соответствующее им причастие является отглагольным образованием, обслуживающим морфологическую систему глагола, но не обладающим содержа-

нием именного признака. На это указывает отсутствие сочетаний *être + p.p.* рассматриваемой группы глаголов (**je suis ri, marché, dormi, etc.*).

Таким образом, системное положение переходных и предельных непереходных глаголов определяет их причастия как форму языка, выражающую именную признак. Поэтому можно утверждать, что форма *être + p.p.* является формой нейтрализации морфологических классов причастия и прилагательного, пограничными случаями которой являются аналитическая глагольная форма и синтаксическое сочетание. В основную массу сочетаний входят такие причастия, которые форму *être + p.p.* делают двусмысленной по отношению к грамматической природе сочетания. На наш взгляд, такая двусмысленность является естественным положением формы *être + p.p.* как грамматического факта, и вопрос об установлении его грамматической природы является псевдопроблемой, поскольку природа этого факта является не грамматической, а аналитической, относящейся к сфере *langue*. Понятие аналитической формы мы не связываем только с глагольной формой, рассматриваемой в качестве единицы морфологической системы времен. Аналитизм — это „мышление“ языка, фиксируемое определенными формами (структурами).

То, что было сказано о форме *être + p.p.*, не исчерпывает содержания этой формы как формы аналитической. Ее содержание рассматривалось как результат развития понятия именного признака благодаря разработке языком симметричного расположения имен и глагола в качестве определенной формы языка, имеющей непосредственное отношение к понятию предложения. Исходя из параллельности формы *être + p.p.* атрибутивному суждению, мы назвали ее формой предикации, приписывающей имени именной признак. Можно утверждать, что форма *être + p.p.* является особым случаем проявления предикативности как связи субъекта и предиката. Эти понятия относятся к предложению как форме языка и являются понятиями *langue*. Понятия субъекта и предиката не отождествляются с синтаксическими понятиями подлежащего и сказуемого, хотя „сказуемое и подлежащее как члены предложения вырабатываются в языке в качестве специфических морфологизированных форм выражения логических предиката и субъекта...“ [Панфилов, 1971, с. 170]. Форма *être + p.p.* непосредственно связана с предикатом, предципирующим субъект таким признаком, который не соответствует разработанным синтетическими языками противопоставляющимся друг другу морфологизированным формам глагольного или именного признака. Тем не менее, форма *être + p.p.* представляет собой синтаксическое сочетание — сказуемое, которое, однако, отличается своей нерасчлененностью: попытки характеризовать это сказуемое как простое (глагольное) или сложное (неглагольное) означали бы инертность в понимании структуры языка согласно модели языка синтетического.

Высказанные нами соображения по поводу формы *être + p. p.* не отделены от некоторых теоретических предположений. Они связаны с утверждением языка как сущности идеальной. Этот вопрос не находит теоретического освещения ни в лингвистической, ни в философской литературе. Однако тезис о языке как единстве означающего и означаемого разрешает интерпретировать эту проблему как имплицитно присущую современному языкознанию. Поскольку „означаемое“ нельзя понять иначе как „идеальное“, язык – единство материального и идеального – в принципе не противоречит теоретическому положению о том, что он – сущность идеальная, воплощенная в материальном явлении – средстве коммуникации. Невозможность эксплицитно утверждать об идеальной сущности языка связана с необходимостью признать разные формы идеального. Практически это признается при утверждении о неотожествлении логического понятия и значения. Противопоставление логического и языкового как имеющего отношение к значению не исчерпывает формы идеального. Чтобы найти возможность выделить разные формы идеального, необходимо установить разницу между „сознанием“ и „идеальным“. Сознание охватывает ту форму идеального, которая связана со сферой мышления; оно неотделимо от индивида. Понятие индивида также имеет отношение к сфере значений как форме идеального, поскольку язык как средство коммуникации предполагает формирование понятия значения неотделимо от речевой деятельности индивида. Возможность видеть в языке материализацию другой формы идеального, чем идеальное, определяющееся типом „значение“, связана с анализом языковых понятий, который дает возможность подойти к ним как единству противопоставления отдельное (индивидуальное) – общее и конкретное – абстрактное; этот анализ предполагает также научный метод идеализации как средства расширения понятия предмета лингвистики (см. нашу статью „К проблеме предмета лингвистики“ – *Kalbotyga XXXII(3)*, 1981, p. 162). Возможность отождествления предмета лингвистики с понятием языка как средства общения предполагает существование в языке понятий, которые не отождествляются с семантическими как понятиями преподнесения индивиду внешнего мира. Развитие языка – это развитие материального явления, которое предполагает формирование и изменение определенных языковых понятий, в которых выражается структура языка. Такая аналитическая форма, как *être + p. p.*, является формой, непосредственно с ней соотносящейся. Исходя из конкретного материала, мы выделяем в языке „антисемантическую“ форму идеального, выражающегося понятиями, связанными со структурой предложения. Прямой порядок слов – это не только норма, это форма, фиксирующая особое понимание переходности французским языком со всеми вытекающими отсюда последствиями: обобщение ее в понятие предела, образование именного признака на глагольном материале, синтаксиче-

скую нерасчлененность сочетания *être + p. p.* „Антисемантическая“ форма идеального как более глубокий слой языковой абстракции представляет собой то, что обозначается термином *langue*. В современном языкознании термином *langue* широко пользуются исследователи грамматики. Однако он осмысливается как понятие индивидуального сознания, поскольку понятие языковой формы он сводит к модели употребления. Невозможность изолировать понятие *langue* от сферы сознания и является причиной неоднозначного и противоречивого осмысления содержания этого понятия. Это характерно как для Гийома, который сумел усмотреть в языковой форме оригинальное содержание, не отождествляющееся со значением в *discours*, так и для всей современной лингвистики, которая все языковые понятия может осмыслить как формирующиеся непосредственно в индивидуальном сознании. Для иллюстрации сказанного можно привести пример трактовки понятий субъекта и предиката как понятий, относящихся к предикативности. Это понятие *langue*, не отождествляющееся с понятием синтаксическим. В. З. Панфилов, рассматривающий проблему предикативности в ряде работ [1963; 1971], осознает это и пытается вывести данное понятие из сферы синтаксической, выдвигая в языке логико-синтаксический уровень, который представляет собой сферу идеальную. Однако, как указывает определитель „логико“, она связана с сознанием индивида, что направляет рассмотрение предложения к его трактовке как формы мышления. Не оспаривая это положение, мы выделяем в первую очередь предложение как форму языка, содержание которой представляем себе как единство не логического субъекта и логического предиката, а просто субъекта и предиката – понятий, относящихся к *langue* как форме идеального, выходящей за рамки и логического, и семантического (грамматического). Невозможность связать предикативность с понятием *langue* отождествляет эту проблему с проблемой актуального членения, которое также предполагает разделение предложения на два понятия, но, в отличие от предикативности, является понятием речи, а не языка.

LA FORME *être + p. p.* EN TANT QUE FORME STRUCTURALE DE LA LANGUE

N. LUKŠYTĖ

Résumé

En se basant sur les travaux de G. Guillaume et J. Stefanini considérant que certaines formes du langage possède un contenu différent dans la langue et dans le discours, l'auteur tâche de dégager le contenu abstrait (niveau *langue*) de la forme *être + p. p.* des verbes transitifs et des verbes intransitifs perfectifs. Les deux catégories grammaticales se généralisent sous la notion du „limite de tension“ qui contribue à la formation de la forme *être + p. p.* en même temps qu'au contenu du participe passé en tant qu'entité nominale. La structure analogue à celle du jugement attributif

définit la forme *être + p. p.* comme une forme de prédicativité qui neutralise l'opposition entre la nature verbale et adjectivale [nominale] du prédicat. Se rattachant aux notions de limite de tension et de prédicativité comme notions de la structure de la phrase, la forme *être + p. p.* se manifeste comme une forme analytique. Par conséquent l'analytisme présente un domaine des notions plus abstraites que les notions grammaticales; c'est un niveau du langage qui se caractérise comme *langue* et s'oppose au niveau *discours (parole)*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Dubois, 1968 — Dubois J. Grammaire structurale du français: le verbe. — Paris, 1968.
Guillaume, 1943 — Guillaume G. Existe-t-il un déponent en français? — *Le français moderne*, 1943, Janvier, N 1.
Le Petit Robert, 1978 — Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. — Paris, 1978.
Stefanini, 1962 — Stefanini J. La voix pronominale en ancien et en moyen français. Publication des annales de la faculté des lettres, Aix-en Provence, Nouvelle. Sér. N 31, 1962.
Гак, 1979 — Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. — М., 1979.
Панфилов, 1963 — Панфилов В. З. Грамматика и логика. — М.—Л., 1963.
Панфилов, 1971 — Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. — М., 1971.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра французского языка

Вручено
в ноябре 1981 г.